

БОРИС СОКОЛОВ

РАСШИФРОВАННЫЙ ПАСТЕРНАК

ТАЙНЫ ВЕЛИКОГО РОМАНА
«ДОКТОР ЖИВАГО»

ЯУЗА

МОСКВА

2022

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
С59

Соколов, Борис Вадимович.

С59 Расшифрованный Пастернак. Тайны великого романа «Доктор Живаго» / Борис Соколов. — Москва : Яуза-пресс, 2022. — 384 с. — (Расшифрованная литература).

ISBN 978-5-9955-1040-6

Книга известного историка литературы, доктора филологических наук Бориса Соколова, автора бестселлеров «Расшифрованный Достоевский» и «Расшифрованный Гоголь», рассказывает о главных тайнах легендарного романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго», включенного в российскую школьную программу. Автор дает ответы на многие вопросы, неизменно возникающие при чтении этой великой книги, ставшей едва ли не самым знаменитым романом XX столетия.

Кто стал прототипом основных героев романа?

Как отразились в «Докторе Живаго» любовные истории и другие факты биографии самого Бориса Пастернака?

Как преломились в романе взаимоотношения Пастернака со Сталиным и как на его страницы попал маршал Тухачевский?

Как великий русский поэт получил за этот роман Нобелевскую премию по литературе и почему вынужден был от нее отказаться?

Почему роман не понравился властям и как была организована травля его автора?

Как трансформировалось в образах героев «Доктора Живаго» отношение Пастернака к Советской власти и Октябрьской революции 1917 года, его увлечение идеями анархизма?

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-9955-1040-6

© Соколов Б.В., 2022
© ООО Яуза-пресс, 2022

О ЧЕМ ЭТОТ РОМАН?

Роман великого русского поэта Бориса Леонидовича Пастернака «Доктор Живаго» стал едва ли не самым знаменитым романом XX века. Западных читателей, которые первыми смогли ознакомиться с этим произведением, роман заставил по-иному взглянуть на советскую Россию. В СССР в разгар перестройки «Доктор Живаго» стал важным аргументом для отказа от сталинского наследия. И на Западе, и на Востоке роман воспринимался прежде всего как политическое событие.

По поводу художественных достоинств «Доктора Живаго» споры не утихают с момента публикации. Многие литературоведы считают, что пастернаковский роман перевернул все представления о романной форме и содержании, стал самой поэтической прозой в истории русской литературы, что в нем поэт сказал небывало глубокую правду о человеке, обществе и государстве, революции и советском строе, пропущенную через призму индивидуальной рефлексии. Разумеется, популярности романа, равно как и присуждению Пастернаку Нобелевской премии, немало способствовал скандал вокруг «Доктора

Живаго», инициированный советским руководством и с энтузиазмом раздувавшийся советскими писателями. Однако только этим, и даже главным образом этим решение Нобелевского комитета не объяснишь. То, что «Доктор Живаго» — это великое произведение мировой литературы именно с точки зрения формы, становится особенно ясно сегодня, в начале XXI века. Это — символистский роман в постсимволистскую эпоху, постмодернизм до постмодернизма.

В пастернаковском романе единственная и главная реальность — это душевные переживания главного героя. Все остальное, в том числе реалии быта, пространства-времени, — достаточно условно и подчиняется главному, и в этом смысле «Доктор Живаго» — ни в коем случае не реалистический роман. Вместе с тем осмысление реалий и духа революционной эпохи автором романа — вполне реалистическое, без какого-либо пиетета к революции и власти, что и вызвало такое раздражение Хрущева и его присных. Главное в романе — это разговоры. И оказалось, что разговоры могут держать читателя в таком же напряжении, как самый закрученный сюжет.

Пастернак не преследовал своим романом политических целей. Он лишь хотел сказать в главной прозе своей жизни все, что наболело, оценить путь страны и свой жизненный путь, вычленив вечные вопросы из потока времени. Поэт верил в бессмертие души, равно как и в то, что созданное им надолго переживет его самого. Вспомним, как Юрий Живаго говорит умирающей Анне Ивановне Громеко:

«... смерть, сознание, вера в воскресение... Воскресение. В той грубейшей форме, как это утверждается

Расшифрованный Пастернак

для утешения слабейших, это мне чуждо... одна и та же необъятно тождественная жизнь наполняет вселенную и ежечасно обновляется в неисчислимых сочетаниях и превращениях. Вот вы опасаетесь, воскреснете ли вы, а вы уже воскресли, когда родились, и этого не заметили...

Человек в других людях и есть душа человека... В других вы были, в других и останетесь. И какая вам разница, что потом это будет называться памятью. Это будете вы, вошедшая в состав будущего...

Смерти нет. Смерть не по нашей части. А вот вы сказали талант, это другое дело, это открыто нам. А талант — в высшем широчайшем понятии есть дар жизни...

Смерти не будет потому, что прежнее прошло. Это почти как: смерти не будет, потому что это уже видели, это старо и надоело, а теперь требуется новое, а новое есть жизнь вечная...»

Пастернака волновала природа поэзии и искусства, проблема индивидуума, который старается осмыслить бурную эпоху, не становясь на сторону ни одной из сторон. Наделив Юрия Живаго собственными переживаниями и мыслями и придумав ему совсем другую биографию, автор хотел заковать смерть, отдалить ее приход, показать всему миру величие и безграничность русской души.

А в результате получился роман совсем несоветский, который властью был воспринят как решительно антисоветский. По мнению последней возлюбленной Пастернака, Ольги Всеволодовны Ивинской, образ Юрия Живаго — это «прежде всего утверждение права человеческого духа на свободу, отрицание

любого рода тоталитаризма, единообразия мышления, гимн величию творческого начала в человеке».

Пастернак был великим поэтом, всю жизнь грезившим о большой прозе, романе, который бы перевернул если не мир, то литературу. Неслучайно Юрий Живаго «с гимназических лет мечтал о прозе, о книге жизнеописаний, куда бы он в виде скрытых взрывчатых гнезд мог вставлять самое ошеломляющее из того, что он успел увидеть и передумать. Но для такой книги он был еще слишком молод, и вот он отделялся вместо нее писанием стихов, как писал бы живописец всю жизнь этюды к большой задуманной картине».

Мечты о романе стимулировались особой пропагандой романной формы в советское время. Писателей призывали создать новые шедевры, превосходящие «Войну и мир». На щит поднимались идеологически выдержанные произведения Александра Фадеева и Федора Гладкова.

Своему другу драматургу Александру Константиновичу Гладкову в 1942 году Пастернак писал: «Я много бы дал за то, чтобы быть автором «Разгрома» или «Цемент». Да, да, не смотрите на меня с таким удивлением... Большая литература существует только в сотрудничестве с большим читателем...»

Пастернак с «Доктором Живаго» и в самом деле получил большого читателя. Только, к сожалению, не у себя на родине, а в окружающем мире, от которого наследники Сталина отгородились «железным занавесом». Там были переводы на десятки языков, миллионные тиражи, миллионные гонорары (в списке мировых бестселлеров в конце 50-х «Доктор Жива-

Расшифрованный Пастернак

го» потеснил даже набоковскую «Лолиту»). В СССР же роман появился только в 1988 году, через 28 лет после смерти автора, и тоже миллионным тиражом — в «Новом мире».

Первый приступ к большому автобиографическому роману Пастернак сделал сразу после окончания Гражданской войны. Уже к концу ее у поэта проступили первые нотки разочарования революцией. В письме Д. В. Петровскому от 6 апреля 1920 года Пастернак рисовал ужасы разрухи и опошления революции: «... Советская власть постепенно выродилась в какую-то мещанскую атеистическую богадельню. Пенсии, пайки, субсидии, только еще не в пелеринках интеллигенцию и гулять не водят парами, а то совершенный приют для сирот, держат впроголодь и заставляют исповедовать неверье, молясь о спасенье от вши, снимать шапки при исполнении Интернационала и т.д. Портреты ВЦИКа, курьеры, присутственные и неприсутственные дни. Вот оно. Ну стоило ли такую вещь заваривать... Мертво, мертво все тут, и надо поскорее отсюда вон. Куда еще не знаю, ближайшее будущее покажет, куда... Прав я был, когда ни во что это не верил. Единственно реальна тут нищета, но и она проходит в каком-то тумане, обидно вяло, не по-человечески, словно это не бедные люди опускаются, а разоряются гиены в пустыне. Вообще — безобразье. А ведь и у вши под микроскопом есть лицо».

Вот от этого «мертво, мертво все тут» и родилась фамилия главного героя романа — Живаго. Но в ранней прозе она еще не присутствовала.

В 1922 году Пастернак опубликовал повесть «Детство Люверс» — своеобразный вариант будущего

начала «Доктора Живаго». По определению самого Пастернака, эта повесть составила примерно пятую часть будущего романа. Там речь шла о предреволюционной поре, и никаких острых политических или идеологических моментов не было. Тогда еще Пастернак не успел разочароваться в революции, которой, вероятно, тогда и должен был кончаться роман.

Следующая автобиографическая проза — появившаяся в 1931 году «Охранная грамота», уже была полна скрытых аллюзий и явных параллелей с советской действительностью. Так, в главе, посвященной Венеции, Пастернак писал: «... Опускная щель для тайных доносов на лестнице цензоров, в соседстве с росписями Веронеза и Тинторетто, была изваяна в виде львиной пасти. Известно, какой страх внушала эта «босса di leone» современникам и как мало-помалу стало признаком невоспитанности упоминание о лицах, загадочно провалившихся в прекрасно изваянную щель, в тех случаях, когда сама власть не выражала по этому поводу огорчения». Из первого издания книги бдительная цензура выкинула следующий за этим местом пассаж: «Кругом — львиные морды, всюду мерещащиеся, сующиеся во все интимности, все обнюхивающие, — львиные пасти, тайно сглатывающие у себя в берлоге за жизнью жизнь. Кругом львиный рык мнимого бессмертья, мыслимого без всякого смеху только потому, что все бессмертное у него в руках и взято на крепкий львиный повод. Все это чувствуют, все это терпят...»

А первые наброски того романа, который теперь известен нам как «Доктор Живаго», по утверждению

Расшифрованный Пастернак

французского слависта Жоржа Нива, были сделаны летом 1932 года на Урале, когда Пастернак был потрясен тяжким положением жертв коллективизации — раскулаченных.

Об этой поездке Пастернак рассказывал скульптору З. А. Масленниковой 17 августа 1958 года: «В начале тридцатых годов было такое движение среди писателей — стали ездить по колхозам собирать материалы для книг о новой деревне. Я хотел быть со всеми и тоже отправился в такую поездку с мыслью написать книгу. То, что я там увидел, нельзя выразить никакими словами. Это было такое нечеловеческое, невообразимое горе, такое страшное бедствие, что оно становилось уже как бы абстрактным, не укладывалось в границы сознания. Я заболел. Целый год я не мог спать».

Эти впечатления наложились у Пастернака на более ранние — от поездок в деревню зимой 1929/30 года.

О той же злосчастной поездке вспоминала вторая жена поэта Зинаида Николаевна: «... Его пригласили на Урал посмотреть заводы и колхозы, познакомиться с жизнью в тех местах и написать что-нибудь об Урале. Поездка предвиделась на три-четыре месяца. Борис Леонидович поставил условие, что возьмет с собой жену и детей...

Первое время мы жили в гостинице «Урал» в Свердловске. Столовались мы в обкомовской столовой. Потом нас переселили на озеро Шарташ под Свердловском и дали нам домик из четырех комнат. Время было голодное, и нас снова прикрепили к обкомовской столовой, где прекрасно кормили и подавали горячие пирожные и черную икру. В тот же день

к нашему окну стали подходить крестьяне, прося милостыню и кусочек хлеба. Мы уносили из столовой в карманах хлеб для бедствующих крестьян. Как-то Борис Леонидович передал крестьянке в окно кусок хлеба. Она положила десять рублей и убежала. Он побежал за ней и вернул ей деньги. Мы с трудом выдержали там полтора месяца. Борис Леонидович весь кипел, не мог переносить, что кругом так голодают, перестал есть лакомые блюда, отказался куда-либо ездить и всем отвечал, что он достаточно насмотрелся. Как я ни старалась его убедить, что он этим не поможет, он страшно возмущался тем, что его пригласили смотреть на этот голод и бедствия и писать какую-то неправду, правду же писать было нельзя. Я пыталась его отвлекать, устраивала катание по озеру на лодке...

Он стремился уехать в Москву. Я понимала, что ему тяжело жить в такой обстановке, видеть голод и несчастья крестьян. Отговорившись болезнью Бориса Леонидовича, мы попросили взять нам билеты в Москву. Предлагали подождать еще неделю мягкого вагона. Борис Леонидович был непреклонен и говорил, что поедет в жестком. На вокзал нам принесли громадную корзину со съестным. Он не хотел брать, но я настояла, так как на станциях ничего нельзя было купить, а ехать предстояло четыре дня. Всю дорогу до Москвы мы ехали полуголодными: Борис Леонидович запретил открывать корзину и обещал раздать все соседям по вагону, если я нарушу запрет. Я очень хорошо его понимала, но со мной ехали маленькие дети, и я с краешка корзины доставала продукты и кормила сыновей тайком в уборной.

Меня порадовала и еще больше покорила новая для меня черта Бориса Леонидовича: глубина сострадания людским несчастьям. И хотя на словах я не соглашалась с ним, но в душе оправдывала все его действия. На каждой остановке он выбегал, покупал какие-то кислые пирожки... Дома мы открыли эту корзину. Продуктов оказалось так много, что мы питались ими целый месяц.

По приезде в Москву Борис Леонидович пошел в Союз писателей и заявил, что удрал с Урала без задних ног и ни строчки не напишет, ибо он видел там страшные бедствия: бесконечные эшелоны крестьян, которых угоняли из деревень и переселяли, голодных людей, ходивших на вокзалах с протянутой рукой, чтобы накормить детей. Особенно возмущала его обкомовская столовая. Он был настроен непреклонно и требовал, чтобы его никогда не приглашали в такие поездки. Больших усилий стоило заставить его забыть это путешествие, от которого он долго не мог прийти в себя».

Пастернак не мог участвовать в этом «пире во времена чумы», не хотел уподобляться французской королеве Марии-Антуанетте, предлагавшей вместо хлеба питаться пирожными. И, конечно, никаких иллюзий насчет благотворности революции. Два года спустя пережитое на Урале стало одной из причин тяжелого нервного заболевания. А все позднейшие уступки власти — в стихах ли, в выступлениях, в подписях под резолюциями, были лишь сознательным компромиссом, но никак не данью убеждениям. Знаида Николаевна же, как кажется, не была столь потрясена происходящим в районах сплошной кол-

лективизации и была склонна к гораздо большему конформизму.

Через несколько месяцев после возвращения с Урала, 4 марта 1933 года, Пастернак признавался в письме Горькому: «Я давно, все последние годы мечтал о такой прозе, которая как крышка бы на ящик легла на все неоконченное и досказала бы все фабулы мои и судьбы». Но для воплощения мечты в завершённый роман, причем такой, который бы точно не понравился бы Горькому, потребовалось еще более двадцати лет.

Первоначально Пастернак, как кажется, питал некоторые иллюзии насчет коллективизации, допуская, что первоначальные трудности будут преодолены и создание колхозов в конечном счете окажется во благо народа. Неслучайно в 1929 году он писал сестре Лидии в Берлин: «Сейчас все живут под очень большим давлением, но пресс, под которым протекает жизнь горожан, просто привилегия по сравнению с тем, что делается в деревне. Там проводятся меры широчайшего и векового значения».

Однако поездка на Урал все расставила на свои места. Очевидно, тогда, на Урале, возникла идея завершить основные события романа 1929 годом — «годом великого перелома». Именно в этом году должен погибнуть главный герой романа, что символизирует гибель дореволюционной интеллигенции — не обязательно физическую (хотя многие из этого слоя не пережили 1937–1938 годы), но прежде всего духовную, ибо, чтобы выжить, пришлось приспособляться под коммунистическую идеологию. А это, как Пастернак, пережив тяжелый психический кризис

Расшифрованный Пастернак

в 1935–1936 годах, убедился на собственном примере, губительно для подлинного творчества, для созидания нетленных ценностей.

Революция теперь воспринималась Пастернаком как ураган, положивший начало хаосу и духовной разрухе. В романе Юрий Живаго говорил Ларе: «Со всей России сорвало крышу, и мы со всем народом очутились под открытым небом».

После уральского опыта никаких иллюзий насчет революции и советской власти у Пастернака не осталось. Потрясение было слишком велико, особенно потрясение от сравнения бедственного положения голодающих крестьян и сытого существования номенклатурной публики.

Вообще надо заметить, что «Доктор Живаго» — это роман потрясения. Бурные события в личной жизни Пастернака начала 30-х годов (роман с Зинаидой Николаевной Нейгауз, уход от первой жены, Евгении Владимировны Лурье, и сына Жени) наложились на столь же бурные события в жизни страны. Характерно, что всерьез за роман Пастернак принялся уже после Великой Отечественной войны, когда потерпели крах вызванные войной надежды на либерализацию и завязался новый бурный роман — с Ольгой Ивинской.

Вскоре после 1932 года работа над романом была на время оставлена, и в 30-е годы Пастернак к нему возвращался очень редко. По словам английского дипломата Исая Берлина, познакомившегося с поэтом уже после Второй мировой войны, «Пастернак был русским патриотом, он очень глубоко чувствовал свою историческую связь с родиной...